

Г. И. Чулков

Слепые

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Г. И. Чулков

Слепые / Г. И. Чулков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2781-6

ISBN 978-5-4241-2781-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Чулков Георгий Иванович
Слепые

Георгий Чулков

Слепые

I

В переулках еще лежал талый побуревший снег, но уже веял влажный ветер и мартовская оттепель накрепко взяла землю.

Борис Андреевич Лунин, ослепленный весенним небом, торопливо переходил через площадь с Николаевского вокзала на Рязанский. Едва не раздавленный шальным автомобилем, промочив изрядно ноги, он попал наконец на подъезд вокзала. Рассеянно сунув сак и деньги посыльному, пошел он в буфет. И здесь чувствовалась московская весна - и в странной смеси зимней и летней одежды, и в запотевших окнах, и в лужах от калош, и в несколько возбужденном говоре пассажиров.

Лунин с любопытством осмотрелся вокруг, узнавая знакомое... Вон пробежал лакей с дымящимся стаканом чая и двумя пирожками; вон проплыл важно седоусый начальник станции в красной фуражке, преследуемый хлопотливым пассажиром; вон бледноликая дама в трауре. Все то же самое, и весна такая же.

Борису Андреевичу Лунину на вид можно было дать лет тридцать. Но уже немолодая грусть светилась тихо в его глазах, заключенных в синевато-желтые круги. Слишком красные губы, серебристо-матовая бледность и рассеянный взгляд - все отличало лицо Лунина от заурядных физиономий.

Толпа пассажиров со смешной торопливостью хлынула на перрон. Рассеянно занял Лунин первое попавшееся место в вагоне. Рядом сидел молодой человек; и Лунину показалось, что где-то он видал его, этот низкий упрямый лоб с черными на нем кудрями, эти глаза, мечтательные и злые, этот страстный рот и слишком белые зубы...

И молодой человек сделал движение в сторону Лунина, как бы желая поздороваться. Вскоре разговорились. Молодой человек назвал себя графом Бешметьевым и объяснил, что знает Лунина: видел его портреты и в прошлом году встречал в Мариинском театре на вагнеровских спектаклях.

Стараясь побороть свою болезненную рассеянность, поддерживал Лунин разговор, заинтересовавшись не тем, что говорил ему собеседник, а его до странности мечтательным взглядом и непонятной улыбкой, некстати змеившейся под темными усами.

Лунин почувствовал, что встреча с этим графом будет иметь для него какое-то значение. И это предчувствие, а может быть, и не совсем обыкновенное лицо соседа растревожили Лунина. Из разговора выяснилось, что оба они едут до станции Пустынино.

- Я туда еду без определенного плана, - сказал Лунин задумчиво, - не знаю, как там устроюсь. Мне говорили, что в Пустынине есть дачи и что их мало, и вокруг тихо, а мне это и надо. И хотелось пожить еще в Московской губернии: я все-таки москвич, хотя Петербург и покорила меня...

Бешметьев с готовностью рассказал, как можно в Пустынине устроиться. Он сам едет сейчас в имение к князю Ховрину. Это в трех верстах от станции. А на полпути - дачи. Если Борису Андреевичу нужно небольшое помещение, лучше всего снять у Михневича.

- Мне называли эту фамилию, - сказал Лунин.

- Этот Михневич - зять местного священника.

- А вы знаете этого священника?
- Как же! Знаю. Отец Григорий...
- Вот как! Может быть, вы и семейство знаете отца Григория?
- Да, знаю. Видел его дочку, Наталью. Приятная барышня. И Александру, ту, что за Михневичем, тоже знаю.

- А другую сестру, Анну Григорьевну, вы не встречали? - спросил неожиданного Лунина.

- Нет, не встречал. А вы, стало быть, отчасти знакомы с этим семейством, - сказал Бешметьев, улыбаясь.

- Да, я встречался с Анной Григорьевной в Петербурге. Она, между прочим, хвалила мне Пустынино. Рассказывала, что в имении князя парк замечательный.

- Парк чудесный и, можно сказать, таинственный. Прекрасный парк. А про Анну Григорьевну я слышал. Она, если не ошибаюсь, замужем за инженером Полянским. Говорят, эта Анна Григорьевна красоты необычайной...

Лунина ничего не ответил и задумался. Молодой человек не тревожил его и, только когда приехали в Пустынино, напомнил, что пора выходить из вагона.

У станции стояли от князя присланные сани, и Бешметьев предложил Лунину подвести его до дачи Михневича. В Пустынине еще лежал глубокий снег, и лишь кое-где на буграх чернела обнаженная солнцем мартовская земля. Свеж и прозрачен был воздух. Вороны с гортанным криком перелетали изредка с ели на ель, отряхая большие снежные хлопья; ехать пришлось по лесной просеке. И казалось, что кто-то благословил белый путь, и ели, и сосны на тишину. Странен был скрип полозьев на этом пути.

Лунина поблагодарил Бешметьева и побрел к домику Михневича, проваливаясь в снег. Визгливый лай потревожил обитателей усадьбы: на крыльце появился высокого роста мужчина и свистнул собак.

Рослый человек назвалса Михневичем и повел Лунина в комнату. Там было душно, тесно и шумно. Куча неумытых ребят возилась вокруг русоволосой женщины с утомленным лицом, которую Михневич назвал своей женою. В комнате был беспорядок. На стене висели лосиная голова и ружья. На столе валялись какие-то брошюры...

Семен Семенович Михневич, по-видимому, имел некоторое понятие о Луине и смотрел на него с любопытством. Лицо Михневича показалось Лунину занятым. Оно все заросло свинцовой щетиной, а там, где не было волос, кожа на нем была похожа на измятую серую замшу. Когда Михневич смеялся, сотни морщин лучились на его физиономии и маленькие серые глаза светились лукаво. Одет он был в блузу и высокие сапоги.

Когда Лунина объяснил, зачем он приехал, Михневич набросил на плечи тулуп и пошел показывать дачу. Лунину все нравилось - и дача, и старая мебель в ней, и то, что обедать ему придется у священника, тестя Михневича.

- А что этот граф Бешметьев? - неожиданно спросил Лунина. - Вот он меня к вам подвез... Что он за человек? Вы его хорошо знаете?

- Встречался... Человек мне непонятный, молчаливый. И, кажется, от любви голову потерявший...

- От какой любви?

- А видите ли, этот самый Бешметьев женихом считается княжны нашей,

Любови Николаевны. Только что-то свадьбу все откладывают... А граф, видимо, истомился. Одним словом, знаете, довольно глупая канитель вот уж второй год тянется... А вы как же? В город вернетесь? А то, если хотите, оставайтесь здесь: на ночь вас устрою; Мисаил дачу протопит...

- Если я вас не стесню, я останусь, пожалуйста, - сказал Лунин, чувствуя, что слепнет от снега и мартовского солнца.

II

Сад перед дачей весь был в сугробах, и только одна дорожка была протоптана до калитки. Утром пришел Мисаил ставить самовар и начал разговор по собственной охоте.

- Вчера видели княжну с женихом. Подъезжали к самой станции, а потом повернули - и домой. Княжна правит, а он с нее глаз не спускает. Чудная эта княжна. Второй год невестится...

Лунин ничего не ответил, но Мисаил не унимался и еще с полчаса топтался у порога, расспрашивая Лунина обо всем, о политике, между прочим: не был ли Лунин в Петербурге девятого января и не видал ли попа Гапона? И кто такой Каляев? И что теперь делается в Черниговской губернии? У него, Мисаила, под Черниговом тетка Лукерья живет, болеет ухом, но баба хорошая.

Когда Мисаил ушел, Лунин сел было работать, но вскоре встал и долго бродил по комнате, потирая руки и бормоча.

В три часа с лаем влетела на террасу собака и закружилась по ней, яростно стуча хвостом. Послышался молодой, свежий голос:

- Сверчок! Сюда! Сверчок!

Это кричала Наташа, с которой вчера познакомился Лунин.

- Борис Андреевич! Я за вами пришла.

Пошли обедать к отцу Григорию. Авдотья Павловна угощала жирными яствами и хлебным квасом. Ни водки, ни пива не было - и это даже умиляло Лунина: так он отвык от трезвой жизни.

Сам отец Григорий, старик с тяжелой седой бородой и грустными глазами, говорил мало. Зато сын его, Эксакустодиан, студент со значком общества "Громобой", затеял разговор на серьезные темы.

Говорил сердито и неуверенно:

- Войну проигрываем, потому что в войсках крамола. А в Писании сказано: "Противящийся власти, противится Божию установлению"³. Святополк-Мирский на том свете ответит за потворство бунтовщикам... А может, и здесь успеем посчитаться с либералами...

Лунин заметил, что глаза у него тусклые, как у мертвой рыбы, кожа на лице дряблая, губы вялые... И слова его были тяжелы и скучны. И очень ему хотелось, должно быть, чтобы Лунин возражал, но Лунин молчал.

Тогда Эксакустодиан Григорьевич продолжал:

- Вообще разврат пошел... Вот еще декадентство... Оно хуже, чем анархизм, потому что посягает на корень вещей...

- Эксакустодиан! - сказала Наташа. - Ты на дятла похож...

- Мамаша! Слышите, что она говорит? Уймите безобразницу! - крикнул Эксакустодиан, и неожиданно в тусклых глазах его загорелся огонь.

После обеда Наташа предложила Лунину идти на лыжах.

Они с трудом, проваливаясь в снег, добрались до дороги, а там легко, по насту,

побежали к княжескому парку.

Воздух был прозрачен, и было приятно бежать, но уже хрупок был подтаявший снег, казавшийся лиловым под солнцем.

Наташа с веселым любопытством поглядывала на Лунина. Ему нравилась эта семнадцатилетняя девушка, но он не знал, о чем и как надо с ней говорить: так далек он был от юности и так редко видел молоденьких девушек.

- Я знаю, что вы в Петербурге встречали Анну, - сказала она и покраснела. И, помолчав, прибавила: "Надо признаться: я завидовала ей, право..."

- Вот этого я не понимаю, - сказал Лунин, улыбаясь.

- Ах, это так понятно, Борис Андреевич! Я видела ваши картины. Я люблю их. И вот интересно и страшно увидеть того, кто что-то разгадал, чего другие до него не понимали.

- Я думаю, что творчество - болезнь, - сказал Лунин серьезно, - и все мы, художники, - больные. Знаете ли, вроде чахоточных. В сущности, от нас надо подалее: мы заразительны.

Наташа звонко засмеялась.

- Ах, какие глупости!..

- Нет, Наталья Григорьевна, я не шучу. Пока мы здоровы, все кажется обыденным, а вот заболит душа - и начнешь видеть по-новому, все станет фантастическим, интересным, необыкновенным. Но самое плохое - это то, что мы, соблазнившись необыкновенным, начинаем поддерживать в себе болезнь и все стараемся запомнить что-то и запечатлеть. Это - самое стыдное. От такой вечной корысти мы уж делаемся не холодными и не горячими, как надо быть человеку и как Писание велит, а только теплыми⁴. При такой средней температуре мы и живем, и любим, и страдаем. Когда настоящий любовник убивает, мы только картину пишем. И это ужасно: здоровый человек один раз в страсти преступление совершит, а художник десять раз убьет, пока картину напишет. Это, кажется, нехорошо, что я молоденькой девушке такие вещи говорю, а впрочем, все равно...

- Мне все можно, - сказала Наташа серьезно, - я взрослая...

- Так вот, - продолжал Лунин, - уж кто-кто, а художник наверное погибнуть должен. Такое у него нехорошее ремесло. Возьмите поэта какого хотите великого, со всеми его прозрениями, с его великолепной мечтой, и все-таки в конце концов, если подслушать его шепот, услышишь неожиданное и кошунственное признание, от которого разум туманится... Художник обречен на вечные падения и муки. Он всегда оскорбляет то, что ему дороже всего в сущности... Я, пожалуй, всем не сказал бы этого и не написал. Ведь все равно не скажешь самого главного... Да и стоит ли открывать всем всю правду? Я вот сейчас так разговорился с вами, не знаю почему. Мне кажется, что я говорю с юностью вообще, не с тою, что суетлива, многошумна, а с тою, что задумалась и чего-то ждет. Это оттого, что сейчас тишина такая снежная, и вот пахнет весной, и глаза у вас милые...

Так разговаривал с Наташей Лунин, стоя у конца просеки, откуда был уже виден княжеский парк и ближе - пруд, теперь занесенный снегом, заметный только потому, что на нем чернела купальня.

С другой стороны, за взбурившимися снежными холмами, синели дымки деревни. Оттуда слышался сиповатый лай, и казалось, что там сейчас большая грусть.

- А вам нравится Анна? - неожиданно спросила Наташа, наивно и доверчиво заглядывая в лицо Лунина.

- Нравится.

- Да, да... Она - необыкновенный человек! - прошептала Наташа мечтательно. - Вы знаете, вот я сестра ее, а я почти влюблена в нее, право. Если бы я была женщиной, я бы сказала ей, что вот пусть она прикажет мне и я брошусь в огонь, умру за нее. Но я боюсь ее, Борис Андреевич. Вы знаете, она жестока. Она никого не жалеет. Она только красоту любит и больше ничего не любит.

- Жестока?

- Да, да... Что вы так смотрите на меня? Если человек слабый и беспаланный будет гибнуть на ее глазах, она не пожалеет его никогда. А вот над стихами Пушкина она плачет. Прочтет: "Когда для смертного умолкнет шумный день"5, - и слезы, слезы... А как она красива! Правда, она красива?

- Да.

- У нее лицо меняется, как небо. Тень такая серебристая пробежит - и все черты, и все краски делаются новыми, неожиданными... А какие брови у нее умные и строгие. И тишина в них какая. А где-то далеко в глубине глаз черная буря... Ведь я правду говорю, Борис Андреевич?

- Да. Правду.

- А рот у нее - как осенняя роза темная...

- Да, да... Как роза темная...

- Ах, я люблю Анну, люблю Анну...

В это время послышался звон бубенцов и на дороге показались шведские санки, запряженные парюю. Кто-то ехал на станцию.

- Это княжна и Бешметьев, - сказала Наташа, - они каждый день катаются.

Когда санки мчались мимо, Лунин увидел белокурую девушку в собольей шубке. Девушка ударила бичом и звонко крикнула:

- Здравствуйте, Наташа...

Бешметьев раскланялся с Луниным.

- Я не люблю княжны, - сказала Наташа, - я знаю ее. Она холодная, как лед...

Назад они бежали на лыжах молча, и, только прощаясь, Наташа спросила Лунина:

- А мужа Анны вы знаете?

Лунин нахмурился и ответил сухо:

- Нет. Не знаю. Я познакомился с Анной Григорьевной, когда ее муж был в экспедиции, на Алдане... Он ведь и сейчас там...

- Да, да... Кажется, впрочем, он летом вернется...

- Вот как. А вы с ним дружны?

Наташа засмеялась:

- Вы знаете, он похож на автомобиль. Вы сами увидите. Он неуправляемый, и в нем рычаги какие-то.

Наташа опять засмеялась.

III

Наконец пришла настоящая весна, с половодьем, грачами и великолепным шумом апрельского ветра. Лунин, в высоких сапогах, с крепкой палкой в руке, бродил по окрестностям. Доходил до речки Чернявки и подолгу стоял, прислу-

шиваясь к ее ропоту, и смотрел с любопытством на ее пенистые мутные воды.

В княжеском парке работники убрали мостки, и уже подсохли дорожки, щедро посыпанные красным песком. Управляющий велел снять деревянные футляры со статуй. Теперь Киприда и Амур, Громовержец и Марсб розовели в лучах весеннего солнца.

Прошлогодние листья, сметенные в кучи, остро пахли. Круглую беседку исправляли кровельщики. Они ходили по крыше, распевая во все горло. И железо гнулось с громким треском под босыми ногами.

На широкой аллее встречал часто Лунин княжну и Бешметьева. Они катались верхом. Княжна, в амазонке, с густыми рыжеватыми волосами, выбившимися из-под черной шляпы, казалась красивой, смелой, весенней... Бешметьев страстно смотрел на нее.

Она кивала Лунину как знакомому. Один раз ему показалось, что княжна обернулась смеясь и как будто хотела что-то сказать ему, но потом ударила лошадь хлыстом и пустила ее галопом.

По утрам, когда Лунин, проснувшись, открывал глаза, потоки весеннего солнца обрушивались ему на грудь. Ему казалось, что снова молодость посетила его. Он торопился одеться, распахнуть дверь на террасу.

Однажды, когда он вышел так, приветствуя небо и влажную апрельскую землю, сердце его полетело на крыльях в непонятную голубизну: перед Луниным стояла Анна Григорьевна.

Она была вся тут перед ним, обжигая его сиянием своих глаз, вся томная, оживающая, влюбленная, как весенняя земля.

Он стал на колени, не находя слов, бормоча несвязно:

- Ты... Ты... Опять со мной... Люблю, люблю...

Он припал к ее рукам. Потом торопливо повел ее в комнаты. На пороге они остановились, не в силах идти дальше. Она приникла к нему, и губы их встретились. Лунину показалось, что вот он сейчас открыл что-то новое в Анне, что и поцелуй ее какой-то новый.

И когда Лунин увидел ее распустившиеся волосы и глаза, потемневшие от страсти, и ее грустную улыбку, он богомольно прижался к ее ногам.

- Люблю... Люблю...

- Все - как сон! - сказала она, делая такой жест, как будто она отмахивается от видения. - Все как сон, Борис! Я не знаю, что со мной... Мне хорошо, мне хорошо. И откуда это голубое вокруг? И этот шум откуда?

- Это весенний шум, Анна.

Они вышли на террасу, и Анна, простирая руки, громко кричала:

- Здравствуй, апрель! Здравствуй, лес мой!

И вот, когда она так стояла с поднятыми к небу руками, изнемогая от любви, Лунин вдруг сделался мрачным, как будто вспомнил что-то.

- Когда придет муж? - спросил Лунин сухо, стараясь не смотреть в глаза Анны.

- В июле, вероятно. Он сам не знает, должно быть. Они замолчали.

- С мужем все конечно, - сказала Анна Григорьевна тихо, - разлюбишь ты меня или нет - с мужем я жить не стану.

- Да. Но ты жила с ним.

Анна Григорьевна со страхом посмотрела на Лунина и стала торопливо по-

правлять прическу.

За обедом Анна Григорьевна сидела бледная, и на губах ее была улыбка, слабая и печальная.

Наташа волновалась и даже спросила, не утерпев:

- Анна! Что с тобою, Анна?.. - и грозно посмотрела на Лунина.

Эксакустодиан, ничего не замечая, рассуждал о политике:

- Русские люди должны сплотиться... Интеллигенция ожидала: министры трусят и либеральничают.

Отец Григорий кивал задумчиво головой и говорил как будто некстати:

- Не высокоумствуйте, но последуйте смиренным. Не мечтайте о себе...

Авдотья Павловна угощала пельменями. Иногда восклицала, обращаясь к Анне:

- Прекрасная ты моя! Уж рада я тебе и не знаю как. А муж-то когда придет?

- В июле, должно быть.

И, забыв ответ, немного погодя опять спрашивала:

- А муженек-то когда придет?

Принесли телеграмму со станции.

- Анне Григорьевне Полянской.

Она покраснела, распечатывая. Кто-то спросил:

- От кого это?

Она прошептала:

- От мужа. В июле придет.

И скомкала в руке телеграмму.

IV

Михневич пришел к Лунину с большим листом и сказал:

- Пожалуйста подписаться, Борис Андреевич.

- А в чем дело?

Михневич стал рассказывать что-то сложное об обществе трезвости, о народном доме, об исправнике Усачеве...

Лунин махнул рукой и взял перо. Подписываясь, заметил, что в числе учредителей есть и княжна.

- Вот нашего полку прибыло, - сказал Михневич. - Пойдемте, я вам огороды мои покажу за то, что вы человек сговорчивый.

Шли лесом. Там было сыро и мглисто, а в ямах поглубже лежал даже кое-где снег. Шумно пролетел глухарь, испугав Лунина.

Михневич говорил о социализации земли, и казалось, что он вслух читает брошюру - так у него все гладко выходило.

Лунин, улыбаясь, сказал:

- Вот вы складно говорите, Семен Семенович, а все-таки вы мне больше нравитесь, когда молчите. Вы не обижайтесь. Я не хочу сказать, что вы худое говорите. Только такие слова, знаете ли, всегда бескровны, а вот то, что у вас взгляд лесной, что вы огород любите, что вот, я слышал, пчельник у вас великолепный, - это все как-то у вас по-настоящему... Лес и пчелы - прежде всего, а все прочее - литература.

Михневич лукаво и весело засмеялся:

- Я - пчеловод. Это правильно. И огородник я. Боюсь, по правде сказать, что из нашей социализации одна литература выйдет.

Лунин заинтересовался:

- А у вас почему такие мысли, Семен Семенович?

- Как вам сказать... Устали мы ждать преобразований всяческих и, потеряв терпение, за двумя зайцами, пожалуй, погонимся. А это всегда к худому.

- Однако вы - социалист.

- Помилуйте-с. Я человек чистоплотный. Социалистом быть - все равно что перед обедом руки не мыть. Только малыми делами мы заняты. Вот огород наш на кооперативных началах устроен...

- Это я слышал. Но вот насчет неудач вы как-то туманно выражаетесь. А что же помешает вашему делу?

- Многое. Во-первых - истерика...

- Как истерика? Этого я что-то не пойму.

- Истерика не только с медицинской точки бывает, знаете ли, интересна, но и с общечеловеческой, так сказать. Наш интеллигент русский чересчур истеричен, в том смысле, что легко колеблется в своих настроениях. В медицине тоже некоторые определяют истерику как легкую внушаемость. Ветерок повеет, а интеллигент, как домик картонный, - на боку. И затем - потеря мерности, лада и гармонии, так сказать. Все у нас порывами и скачками. И в революцию мы бросаемся зажмура глаза. А это храбрость не русская. Значит и наш интеллигент от русского начала оторвался...

- Однако, Семен Семенович, вас товарищи ваши еретиком, пожалуй, назовут...

- И уж называли не раз. Они меня терпят, потому что полезный я для них человек. Однако когда я в ссылке был в Вологодской губернии, судили меня однажды.

- За что?

- Не за идеи, а за безнравственное поведение.

- Как так?

- А очень просто. Хорошо, что о моем грехе жена заранее знала. А все-таки ей много неприятностей товарищи доставили.

- Однако это любопытно.

- Да что ж. Извольте, я расскажу... Дело прошлое... Жену я свою люблю и уважаю, но бывают у меня какие-то припадочки странные - иначе мои безнравственные поступки затрудняюсь назвать. Вдруг что-то загорится на сердце при иной встрече, и тогда пиши пропало: непременно спутаюсь и что-нибудь натворю. Потом это проходит. И даже как-то нежнее и болезненнее после того жену любишь. Вот и там, в Вологде, случилась со мной история: влюбился я в жену аптекаря. Молоденькая была бабенка. И веснушки, знаете ли, на носу. Не знаю, чем она меня покорила. И что же? Пронюхали товарищи и суд устроили. Развратное, дескать, поведение не соответствует достоинству государственного преступника.

Лунин засмеялся.

- Хорошо, что аптекарь-немец метафизикой увлекался, - продолжал Михневич, улыбаясь, - как-то не очень обратил внимание на эту историю, а то бы беда была. Ну а жена моя меня простила...